

— Итак, что нам теперь делать? — спросил Гарри.

Они сидели в кабинете Минервы, он и Гермиона сидели, прижавшись друг к другу, в одном кресле, Минерва сидела на своем обычном месте с экземпляром « Вечернего пророка» , стоявшим на столе между ними.

Первоначальный гнев и шок от известий о нападениях оборотней прошли, и теперь в комнате царил мрачное согласие.

— Не знаю, Гарри, — мягко ответила Минерва. В статье говорится, что все оборотни должны явиться в Министерство до следующего полнолуния, чтобы их зарегистрировали и наложили на них след.

«Следующее полнолуние — 8 августа. Сегодня суббота, — заявил Гарри.

Минерва не сомневалась в нем ни секунды. Она знала, что даты и время полнолуния будут встроены в мозг Гарри. Она вздохнула, прежде чем продолжить. «Любые оборотни, не соответствующие новым требованиям, будут объявлены беглецами, и Министерство будет преследовать их. Аврорам будет разрешено применить смертоносную силу, если потребуется.

'Серьезно? Смертельная сила? Недоверие Гарри было очевидным.

'Боюсь, что так. Здесь предстоит принять важное решение, заявите ли вы о себе или нет. Минерва сделала паузу, прежде чем продолжить. «Министерство установило крайний срок регистрации 21 июля. Они говорят, что это делается для того, чтобы обеспечить достаточное количество волчьего зелья для тех, кто в нем нуждается.

Гарри недоверчиво покачал головой. «Я удивлен Кингсли. Я не думал, что он допустит это!

— У Кингсли не будет выбора, Гарри, — ответила Гермиона. «Есть масса вещей, с которыми ему нужно разобраться прямо сейчас, и оборотни не стоят на повестке дня. Помнишь, что он сказал в Норе? Реформа существ — его долгосрочная цель, но ему придется идти на компромиссы, чтобы оставаться у власти достаточно долго, чтобы провести свои реформы. Он играет в долгую игру.

«Это не игра!» — отрезал Гарри.

'Я знаю. Но это реальность. Кингсли недостаточно уверен в себе как министр, чтобы занять позицию по этому вопросу. Если он это сделает, он выйдет, и тогда какая цена реформе существа? Или какие-нибудь другие реформы, если на то пошло?

Гарри проглотил возражение, зная, что это бесполезно. Зная, что Гермиона была права. Но это не уменьшило гнева, который он испытывал по поводу их нынешнего затруднительного

положения.

Я направляю свой гнев не туда. Мне нужно сосредоточиться.

— Итак, это возвращает нас к моему первоначальному вопросу. Что же нам теперь делать? Лишь немногие знают о нашем состоянии. Мы держим это в секрете или регистрируемся?

— Не знаю, Гарри, — дрожащим голосом наконец ответила Гермиона. Он мог сказать, как она расстроена по тону ее голоса, и притянул ее ближе к себе, мягко сжав. Она подтянула ноги так, что села ему на колени, и уткнулась головой ему в грудь.

— Вам не нужно принимать решение прямо сейчас, — прервала Минерва, демонстративно игнорируя интимное положение, которое сейчас занимали ее двое юных подопечных. — У вас есть десять дней до крайнего срока, установленного Министерством. Вы можете использовать это время, чтобы решить, что лучше для вас обоих.

Гарри кивнул, подтверждая совет своего друга. Его инстинкты говорили ему не регистрироваться; держать свое состояние в секрете, пока все это не закончится, но он знал о потенциально серьезных последствиях, если они примут такой подход и их секрет будет раскрыт. Он еще раз сжал Гермиону, понимая, что она ведет себя необычно тихо.

'Вы в порядке?' — прошептал он ей в волосы.

— Прости, Гарри. Так жаль.'

'Привет! Мы так не делаем! Мы уже это обсуждали, и если ты будешь продолжать извиняться за что-то, в чем ты не виноват, я разозлюсь. Seriously.'

— Но это моя вина! Я укусил тебя! Я обратил тебя!

— Ты контролировал себя, когда сделал это?

'Нет, но...'

— Это была ваша вина, что вы не контролировали ситуацию?

'Нет, не совсем...'

«Итак, почему мы вообще снова ведем эту дискуссию? Я серьезно, Гермиона. Если ты продолжишь в том же духе, я разозлюсь. Нет смысла останавливаться на том, что произошло. Нам нужно решить, что мы собираемся делать сейчас. И я имею в виду "мы"; Я ничего не

делаю, если ты тоже. Мы держимся вместе, верно? ПРАВИЛЬНО?' — повторил он для акцента из-за отсутствия реакции со стороны его девушки. Он наклонил голову, чтобы получше рассмотреть ее, а когда это не сработало, он положил палец ей под подбородок и поднял ее голову, так что она смотрела прямо на него.

'Верно?' — тихо прошептал он.

— Верно, Гарри. Вместе. Мы держимся вместе, — добавила она, прежде чем положить голову ему на грудь и принять предложенное утешение.

Вместе.

Гарри лежал в своей постели, распластавшись на спине, заложив руки за голову, и обдумывал события дня. Несмотря на поздний час и несмотря на то, что он немного выпил перед этим, он не мог заснуть.

Почему моя жизнь никогда не бывает простой?

Если бы день закончился их возвращением в замок и простым поцелуем на ночь с его девушкой, он бы посчитал этот день одним из лучших, если не лучшим, днем в его жизни. Он очень нервничал при мысли о свидании с Гермионой. Они были лучшими друзьями и всегда чувствовали себя совершенно комфортно в компании друг друга. Именно по этой причине он беспокоился; он не хотел, чтобы тот факт, что они были на официальном свидании, делал ситуацию неловкой. Это и тот факт, что у него практически не было опыта свиданий.

Но его опасения оказались напрасными. Он почувствовал ее первоначальное разочарование, когда они прибыли в Британскую библиотеку, но испытал облегчение, когда его откровение о магическом отделе явно пробудило ее интерес. После этого все стало намного проще.

Их послеобеденный пикник он никогда не забудет. Возможно, впервые за всю свою жизнь он позволил себе полностью расслабиться. Единственное чувство, с которым он мог сравнить это, было ощущение полета; та полная свобода от забот, которой он наслаждался, когда был на своей «Молнии», была чем-то, чем он теперь наслаждался, просто находясь в компании Гермионы. Это было поразительное открытие, которое сделало его таким счастливым, что он почувствовал, что готов плакать.

Он также считал, что Гермиона разделяла его чувства, и близость, которой они наслаждались вместе, была выражением этого. На обратном пути в Хогвартс из Хогсмида он никогда не чувствовал себя так близко — так связан — ни с одним человеком в любой момент своей жизни. Это был рай.

В общем, их свидание имело огромный успех.

Вот почему новости из Министерства так тяжело воспринимались. Их идеальный день был испорчен действиями беглого оборотня и реакцией сломленного Министерства. Он пытался разозлиться на Кингсли, но в глубине души знал, что у него не было выбора. У Кингсли было много-много проблем, и оборотни не были первыми в списке.

Он резко повернул голову в ответ на внезапный шум с лестницы, но затем расслабился, узнав очень знакомый запах.

— Тоже не можешь уснуть? — спросил он у теней и был вознагражден фырканьем из темноты.

— Нет, я тоже не могу уснуть, — ответила Гермиона, входя в спальню. — Не возражаете, если я присоединюсь к вам? — осторожно спросила она. На ней была только тонкая майка и пижамные шорты, и она казалась очень неуверенной в себе.

— Вовсе нет, — осторожно ответил он, внезапно почувствовав, что собственное сердце бьется в груди. Отбросив нервы в сторону, он принял решение за них обоих и откинул одеяло на своей кровати в знак приглашения, игнорируя собственный дискомфорт от того факта, что на нем были только боксеры.

— Заходите. Надеюсь, ваши ноги не замерзли, — сказал он с улыбкой.

Он наблюдал, как она колебалась какое-то мгновение, прежде чем появилась ее собственная улыбка, когда она скользнула на кровать рядом с ним и положила голову ему на грудь, потянувшись к нему одной рукой. В ответ он обхватил ее свободной рукой и притянул к себе.

— У тебя мерзнут ноги ! — сказал он обвиняюще.

Она игриво шлепнула его, и он почувствовал ее улыбку на своем лице, когда она снова устроилась поудобнее. Несколько минут они лежали в дружеской тишине, и Гарри почувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Ему пришло в голову, что они, вероятно, впервые оказались в одной комнате после палатки, и он сравнил свой нынешний комфорт с их предыдущим положением, особенно во время самого ужасного из них посреди долгой холодной зимы. Он поморщился от внезапно нахлынувших воспоминаний.

— Я никогда не говорил тебе «спасибо», не так ли? — тихо сказал он через несколько мгновений.

Она поерзала в его руках и наклонила голову, чтобы посмотреть ему в глаза, с озадаченным выражением лица.

'Зачем? Почему именно ты должен говорить это мне?

Он вопросительно поднял бровь на это заявление. 'Действительно? Вы действительно не знаете, почему я должен сказать это вам? О, Гермиона! Позвольте мне считать пути! — воскликнул он. Он сел немного прямее в постели, прежде чем продолжить.

— Итак... почему я говорю «спасибо»? Ну, во-первых, ты никогда не разочаровываешься во мне. Пришлось сражаться с Волдемортом. Ты не ушел, но ты все равно остался. Потом ты столько раз действовала как моя совесть и не давала мне делать еще более глупые вещи, чем некоторые вещи, которые я делал. Но самое главное, это тот факт, что ты всегда делал все возможное, чтобы я никогда не чувствовал себя одиноким. В моей жизни были времена, Гермиона, когда ты была единственным человеком, который действительно заботился обо мне.

'Я твой друг. Это то, что делают друзья. Они всегда так делают, — ответила Гермиона, ее голос был полон эмоций.

«Тогда это еще одна причина поблагодарить тебя, потому что, если друзья всегда так поступают, значит, ты единственный настоящий друг, который у меня когда-либо был», — ответил он.

— Но у тебя есть другие друзья!

— Не такой, как ты. Он вздохнул, прежде чем продолжить. — Вы упускаете мою мысль. Я пытаюсь сказать, что то, что ты остаешься со мной, несмотря ни на что, значит для меня больше, чем ты когда-либо представляешь. Я никогда не был по-настоящему одинок, когда мы стали друзьями. Для сироты это действительно удивительная вещь. Знать, что кому-то где-то действительно не все равно. За это я больше всего благодарю вас.

Когда он сказал это, она заключила его в яростные объятия, и Гарри подозревал, что уловил намек на влагу в ее глазах, прежде чем она уткнулась лицом ему в грудь.

— Тебе не нужно благодарить меня за то, что я твой друг, Гарри. Больше никогда. Я всегда буду им, что бы между нами ни случилось».

Он обнаружил, что не может ответить, настолько у него пересохло в горле. Вместо этого он довольствовался тем, что крепко прижимал ее к себе, надеясь, что она поймет, что она для него значит.

Через некоторое время оба крепко спали, на мгновение забыв о проблемах и черпая утешение друг от друга.

На следующее утро Гермиона снова оказалась в лаборатории зелий, тщательно просматривая записи Северуса Снейпа и сверяя свои расчеты с расчетами своего бывшего профессора. Она чувствовала, что они близки к прорыву и что решение ее — и Гарри — проблемы было мучительно близко.

Она улыбнулась, когда подумала о Гарри. Она обнаружила, что делает это много в данный момент. Прямо сейчас ее бойфренд (и как ей нравилось называть его так ) был в библиотеке и снова просматривал дневник Ремуса. Он сказал ей, что идет в библиотеку, чтобы убедиться, что у него есть немного тишины и покоя.

« Я думаю, что ты меня раздражаешь», — тихо прошептал он ей на ухо, и она все еще чувствовала, как ее охватывает трепет, когда она думала о возможном двойном значении его слов. Мысль о том, что Гарри усердно занимается в библиотеке, привлекала ее. Она улыбнулась, отряхнулась от своих размышлений и снова обратилась к работе.

Она пришла к простому выводу после того, как прочитала, переварила и, наконец, поняла работу Снейпа. Если, как казалось вероятным, Снейп и Волан-де-Морт каким-то образом создали зелье, которое позволяло Сивому изменяться по желанию, когда не было полнолуния, то логика подсказывала, что должна быть также возможность перепроектировать это зелье, чтобы оборотни могли оставаться в своих человеческую форму, когда было полнолуние. Когда она озвучила свою теорию профессору Слагхорну, она ожидала в лучшем случае скептицизма, а в худшем — насмешки. Но хитрый старый мастер зелий согласился с ее предположением и затем очень помог ей с арифмантической разбивкой, которая, казалось, подтверждала ее теорию. Она рассчитывала, что они, возможно, даже смогут провести некоторые тесты до конца недели.

Последнее испытание, разумеется, придется отложить до следующего полнолуния.

Она работала тихо и усердно и не замечала течения времени. Она была так поглощена своей работой, и таковы были пары и испарения, наполнявшие воздух, что даже ее обостренные чувства не сразу предупредили ее о приближении другого человека. Человек, с которым она на самом деле была очень хорошо знакома и которого она не ожидала увидеть сегодня. Она оторвалась от своей работы, когда этот человек вошел в лабораторию.

— Привет, Джинни, — сказала она в осторожном приветствии, недоумевая, что привело ее подругу в замок именно в этот день. Она попыталась придать своему тону немного тепла, но знала, что у них двоих не было возможности поговорить с той ночи, когда Гарри был заражен проклятием. Она также знала, что перемена в ее отношениях с Гарри не понравится ее рыжеволосой подруге.

— Привет, Гермиона, — немного неловко ответила Джинни. — У вас есть несколько минут?

Она положила ручку на стол и откинулась на спинку стула, пытаясь казаться расслабленной. 'Конечно. Что случилось?'

Джинни выглядела явно смущенной, и у Гермионы возникло глубокое подозрение относительно того, о чем она хотела поговорить. Она решила проявить инициативу.

— Это из-за Гарри? — спросила она деловым тоном.

Джинни побледнела от прямого вопроса, но через несколько секунд обрела самообладание, и выражение ее лица стало жестким. 'Да, это так. Я хотел спросить тебя, правда ли то, что сказал Рон. Это?'

— Не знаю, Джинни, — ответила она.

— Вы не знаете? повторила Джинни.

Гермиона увидела слабый проблеск надежды на лице Джинни и почувствовала прилив гнева из-за самонадеянности вопроса. Она решила захлопнуть дверь перед этой надеждой. 'Нет; Я не знаю. Я понятия не имею, что Рон сказал тебе, не так ли? Так что я не могу ответить на ваш вопрос.'

Джинни покраснела при этих словах, и было очевидно, что она изо всех сил сдерживала свой гнев. — Рон сказал, что вы с Гарри теперь вместе. Это правда?'

'Да.'

Джинни ахнула, явно не ожидая такой жестокой откровенности. 'Как ты мог? Как ты мог так поступить со мной? Мы должны быть друзьями!'

— Насколько мне известно, Джинни, мы до сих пор друзья. Скажи мне, что именно я сделал не так?

— Ты прекрасно знаешь, что ты сделал неправильно! Ты и Гарри!

'Что насчет нас?'

Ты знаешь, что он мой!

Услышав это заявление, Гермиона сузила глаза и несколько секунд сдерживала себя. — Гарри никому не принадлежит, Джинни. Он не кусок мяса! — отрезала она.

— О, не надо мне этого дерьма, Гермиона! Ты прекрасно знаешь, что мы с Гарри должны быть вместе.

— Я прекрасно знаю, что у тебя был шанс и что Гарри решил, что больше не хочет быть с тобой. Я также знаю, что не могу честно сказать, что сожалею об этом, потому что теперь я знаю, что люблю его. Я не собираюсь извиняться за то, что влюбилась в своего лучшего друга, и уж точно не собираюсь уходить от него».

— Ты решил, что мой брат недостаточно хорош для тебя, поэтому ты решил вонзить свои когти в Гарри, не так ли? Ты знал, что он мой!

«О, повзрослей, Джинни! Это не глупая сказка! Она встала и обошла скамью для зелий, которая их разделяла, прежде чем продолжить, найдя время, чтобы успокоиться.

— Повторяю еще раз, Джинни, — тихо начала она, — Гарри никому не принадлежит. С кем он решит быть, зависит только от него. Но я просто хочу прояснить это для вас; пока он хочет быть со мной, я его. Навсегда, если он этого хочет. Мое сердце принадлежит Гарри Поттеру. Он самый важный человек в моей жизни. Никакая дружба или отношения никогда не будут для меня важнее, чем то, что у меня с Гарри. Если он бросит меня завтра, я все равно останусь его другом. Я не позволю никому и ничему встать между нами. Единственный человек, который может помешать мне быть с Гарри Поттером, — это Гарри Поттер».

— Ну, это удача, не так ли?

Обе женщины повернулись к источнику голоса, и их реакции не могли быть более разными. Гермиона не могла не расплыться в широкой улыбке при виде своего парня, в то время как она заметила, что лицо Джинни побледнело, когда она посмотрела на Гарри.

— Что такое удача? — спросила Гермиона.

Гарри прислонился к дверному косяку и скрестил руки на груди с легкой улыбкой на лице. «Это удача, что я единственный человек, который может помешать тебе быть со мной, потому что я также являюсь человеком, который всегда хочет, чтобы ты был рядом со мной». Он выпрямился и опустил руки по бокам, прежде чем обратить внимание на Джинни.

— Как много из этого вы слышали? — тихо спросил рыжий.

— Хватит, — категорически ответил Гарри.

— Значит, ты и Гермиона... ты... ты и она...

'...Вместе. Да, Джинни, так и есть, — перебил Гарри.

Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы собраться с мыслями. — Я чувствую то же, что и Гермиона. Я не собираюсь говорить, что сожалею о том, что мы с ней вместе, потому что я никогда, никогда не буду извиняться ни перед кем за то, что люблю ее. Я бы предпочел, чтобы наши отношения не стоили нам дружбы, но, если быть до конца честным, я не собираюсь идти ни на какие уступки или компромиссы по этому поводу. Пока у меня есть Гермиона, я буду счастлив. Она все, что мне нужно. Она — все, что мне когда-либо было нужно.

Гермиона почувствовала, как покраснели щеки от слов Гарри. Она нашла всю ситуацию

сюрреалистичной и изо всех сил пыталась сохранять спокойствие, когда Гарри открыто заявил о своих чувствах к ней Джинни. Она не могла отрицать, какое впечатление произвели на нее его слова. Она почувствовала прилив радости во всем теле, и ей потребовалась вся сила воли, чтобы удержаться от того, чтобы не прыгнуть на него и не целоваться с ним до потери сознания.

'Что насчет нас?' – внезапно спросила Джинни, ее голос стал намного тише. — Разве я не был тем, что тебе когда-то было нужно?

— Не в том смысле, в котором мне нужна Гермиона, — жестко ответил Гарри. Он помедлил, прежде чем продолжить более мягким голосом. — Я слышал все, что вы оба сказали раньше.

'Все?' — спросила Джинни.

'Все. И все, что я могу сказать, это то, что Гермиона ошибалась.

'Она была?' — сказала Джинни с искрой удивления в голосе. Гермиона тоже почувствовала внезапный всплеск беспокойства.

— Да, — ответил Гарри. — Она сказала, что я никому не принадлежу. Она ошибалась. Я принадлежу ей. Крайне. У меня всегда есть. Я всегда буду. Мне жаль говорить об этом так прямо, Джинни, но мне нужно, чтобы ты поняла; Я не хочу никакой двусмысленности по этому поводу. Я не хочу, чтобы ты думал, что есть шанс, что мы с тобой станем кем-то кроме друзей. Мы с Гермионой вместе. Она — единственная уверенность в моей жизни, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы остаться тем человеком, с которым она хочет провести свою жизнь. Я даже рад, что вы пришли сюда сегодня, потому что теперь очевидно, что нам нужно было поговорить об этом». Он сделал паузу на несколько мгновений, прежде чем продолжить.

— У нас все ясно, Джинни?

Гермиона смотрела, как Джинни пытается смириться с этими словами и последним вопросом Гарри. Ее черты попеременно вспыхивали между гневом и печалью, прежде чем последняя наконец победила.

— Мы чисты, — наконец удалось прошептать ей, прежде чем отвернуться и практически выбежать из комнаты. Как только она ушла, Гермиона просто смотрела на своего парня и смотрела, как он сдулся, когда напряжение покинуло его.

— Я был слишком резок? — вдруг спросил он.

Она покачала головой. 'Нет. Это нужно было сказать. Она подошла к нему и обняла его, позволив себе погрузиться в его объятия. — Но мне ее жаль. Если бы ты когда-нибудь сказал мне что-нибудь подобное, это разбило бы мне сердце. Это уничтожит меня».

Гарри сжал ее еще крепче и опустил голову так, что его губы коснулись ее уха. — Я никогда не скажу тебе ничего подобного, Гермиона. Я бы вырвал себе язык изо рта, прежде чем позволил бы ему произнести такие слова».

Она чувствовала правду в его словах; его искренность давала ей уверенность, в которой она нуждалась. Вопрос Джинни обнажил ее собственную неуверенность.

Разве я не был тем, что тебе когда-то было нужно?

И ответ Гарри предлагает бальзам на ее душу.

Не так, как мне нужна Гермиона.

Она сжала его крепче, получая удовольствие от его прикосновения.

Время прошло.

Рон Уизли отряхнул плащ от дождевой воды, прежде чем открыть дверь « Хогсхеда » и войти в захудалую таверну. Внезапно нахлынули резкие воспоминания о том, как он в последний раз заходил в этот паб, и он вздрогнул, вспомнив обстоятельства этого визита и последовавшие за ним события.

Ему просто повезло, что первый дождь за несколько недель дождался, пока он шел по тропинке из Хогвартса в Хогсмид. Хотя он мог аппарировать, это казалось бессмысленным, так как дождь начался, когда он был близок к месту назначения. К сожалению, он забыл, насколько влажными могут быть шотландские нагорья даже летом.

Он оглядел бар, отметив, что посетителей сегодня было не так много, прежде чем поймать взгляд Аберфорта, когда тот чистил стакан тряпкой, настолько грязной, что, по его расчетам, в стекло попадет больше грязи, чем удалит. Аберфорт наклонил голову вправо, указывая на угол паба, где можно было найти цель Рона. Он бросил взгляд в этом направлении, и его взгляд остановился на причине, по которой он здесь.

Джинни.

Гарри связался с ним, чтобы предупредить, что Джинни может быть немного расстроена после того, как сегодня утром у них состоялся разговор о «чистом эфире». Когда он требовал от Гарри подробностей, все, что его друг говорил, было то, что он подтвердил Джинни, что влюблен в Гермиону и что у них нет никаких шансов когда-либо снова быть вместе.

Ой.

Он также сказал ему, что мадам Розмерта прислала домового эльфа с сообщением, что Джинни пыталась купить огневиски в «Трех метлах», а когда она отказалась продать ей его, ушла и вместо этого направилась в Хогсхед . Оба они сочли благоразумным, чтобы он проверил свою сестру.

Он подошел к Аберфорту, но прежде чем он успел что-либо сказать, старый бармен поднял руку с раскрытой ладонью, чтобы предупредить его.

'Не волнуйся; Я присматривал за ней. Она выпила немного больше огневиски, но с ней все в порядке.

Рон нахмурился. — Почему ты служил ей? Ты же знаешь, что ей всего семнадцать.

— Потому что, если бы я отказался, она бы ушла куда-нибудь в другое место, где бармен не мог бы так защищать пьяную и уязвимую девушку, как я. Она явно чем-то расстроена. Или кто-то. Похоже, она решила напиться, так что лучше оставить ее там, где мы сможем за ней присматривать, не так ли?

Он кивнул в знак согласия. 'Ага. Спасибо, Эйб. Я возьму это отсюда. Она вам что-нибудь должна?

'Неа. У нее не было столько. Она какая-то легковесная. Это на доме. Считай, что она заслужила это за тот год, который у нее был.

Рон грустно улыбнулся этому замечанию и кивнул в знак признательности, прежде чем повернуться и подойти к сестре. Она сидела, опустив голову, одной рукой обхватив рюмку, стоявшую на столе перед ней.

— Привет, Джинни.

Она подняла голову и по-совиному моргнула, прежде чем ее озарило. Она заставила себя улыбнуться, но это больше походило на гримасу.

«Рон! Как дела, — пробормотала она. «Пришел присоединиться к вечеринке? Выпить. Как хорошо, что ты тоже здесь. Гарри и Гермиона отвергают!

Он почувствовал укол боли, но знал, что ни в словах Джинни, ни в действиях Гарри и Гермионы не было никакого злого умысла. У него была собственная вечеринка жалости в «Норе», когда Гермиона разорвала их романтические отношения, какими бы они ни были, так что он понял реакцию Джинни. Потребовалось вмешательство его старшего брата Билла, чтобы снова привести его в порядок. Он решил быть для Джинни таким же хорошим братом, каким Билл был для него.

Он пододвинул стул и сел напротив сестры, оглядываясь при этом. В пабе было тихо; присутствовали только два других посетителя. Один сидел в другом конце комнаты, тихо читая Пророка, потягивая свой напиток. Другой, казалось, потерял сознание, его голова лежала на руках, раскинутых на столе перед ним. Рон не узнал ни того, ни другого и, не раздумывая, отмахнулся от обоих.

— Я слышал, вы разговаривали с Гарри, — осторожно начал он. 'Вы в порядке?'

«Я хорошо выгляжу?»

Рон пожал плечами. — Ты выглядишь пьяной, Джинни. Он сделал паузу на мгновение. 'Хочешь поговорить об этом?'

Настала очередь Джинни пожать плечами. 'Что тут сказать? Гарри ясно дал мне понять, что любит кого-то другого. Что он любит ее! Так что тут сказать?'

'Не знаю. Иногда полезно просто поговорить. Он тщательно обдумывал свои следующие слова. — Если это что-то стоит, я знаю, через что ты проходишь. Джинни резко посмотрела на него, и он почувствовал необходимость в дальнейших объяснениях.

'Запомнить; не так давно Гермиона покончила со мной. Теперь она встречается с моим лучшим другом. Я знаю, как это больно, Джинни, но я смирился с этим. Я имею в виду; это Гарри и Гермиона. Они не делали этого намеренно. Может, им просто суждено быть вместе?'

— Не будь смешным, Рон! усмехнулась Джинни. «Если бы она не прокляла его и не превратила в оборотня, этого бы никогда не случилось!»

«Говори тише!» — сердито прошипел Рон. Он повернулся, чтобы посмотреть, не слышал ли кто-нибудь, но два других посетителя совершенно не обращали внимания на происходящее: один все еще находился вне пределов слышимости и читал свою газету, а другой крепко спал. Решив больше не рисковать, он произнес заклинание Муффлатио, прежде чем повернуться к Джинни.

— Я знаю, что тебе больно, и я знаю, что ты выпил немного, но тебе нужно быть осторожным! Никто не должен знать об этих двоих!

К ее чести, Джинни выглядела смущенной. «Я знаю, и это больше не повторится», — ответила она. 'Мне жаль. Я бы никогда не предал их так.

'Я знаю. Ничего страшного; никто не пострадал.' Он посмотрел на сестру с любопытством. — Вы действительно в это верите?

— Верить чему?

— Что Гарри и Гермиона вместе только из-за... что случилось с ними обоими? — осторожно спросил он.

Джинни вздохнула. — Наверное, нет. Она закрыла глаза. «Мне нравился Гарри много лет. Такое ощущение, что навсегда. Как только я поступил в Хогвартс, я довольно быстро понял, что единственный человек, который может встать между нами, — это Гермиона. Они всегда были так близки, но я всегда думал, что это останется платоническим. Я хочу ненавидеть ее, но знаю, что не могу. В Гарри так легко влюбиться. Я прекрасно понимаю, почему она это сделала. Я просто не могу не чувствовать горечь из-за того, что он любит ее, а не меня».

— Я знаю, — тихо ответил Рон. «Но я много думал об этом в последние несколько недель и пришел к выводу, что это был лишь вопрос времени, когда это произойдет. Что-то было между ними двумя годами. Просто им потребовалось так много времени, чтобы наконец понять, что они значат друг для друга».

— Значит, вы смирились с этим?

'У меня есть. Я думаю, это было неизбежно, Джинни. Я думаю, что даже если бы мы с Гермионой каким-то образом остались вместе сейчас, это в конце концов распалось бы. Гарри — самый важный человек в ее жизни. Она самый важный человек в его жизни. Даже если бы вы встречались с Гарри, как долго продлились бы ваши отношения, если бы он всегда ставил Гермиону на первое место? Будь честным. Продлится ли это?

Джинни вздохнула. 'Нет. Это не продолжалось бы. В конце концов я бы заставил его сделать выбор». Она посмотрела прямо на брата. — И мы оба знаем, кого он выберет, не так ли?

'Ага; мы делаем. И мы знаем, кого она тоже выберет. Прости, Джинни. У меня было немного больше времени, чтобы привыкнуть к этому, так что я знаю, через что ты проходишь. Немного будет больно, а потом ты примешь это. Они мои друзья. Я понял, что просто хочу, чтобы они были счастливы, — тихо закончил он.

— Тогда ты для них очень хороший друг, Рон. Надеюсь, я смогу быть таким же внимательным». Она посмотрела на свой стакан и поморщилась. — Это тоже не поможет.

'Нет, это не так. Давай, Джин. Думаю, пора идти. Они оба встали, и, к его удивлению, Джинни быстро обняла его.

— Спасибо, Рон. Ты хороший старший брат.

Рон улыбался, выводя их обоих из бара, радуясь, что Джинни, похоже, смирилась с неизбежным. Рада, что теперь она может позволить себе начать процесс исцеления. Они вышли на свежий воздух, оба глубоко вздохнули и печально улыбнулись, когда дверь за ними закрылась.

Ни тот, ни другой не видели, как спящий в баре внезапно сел, и на его лице появилось задумчивое выражение, когда он обдумывал только что услышанное.

Поттер и Грейнджер оборотни? У него были люди, которых ему нужно было увидеть.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539915>